

Н. КОРНЕВ

ПОГРОМ КУЛЬТУРЫ В ГЕРМАНИИ

Отнюдь не случайно товарищ Сталин, заговорив в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII Съезде Советов о германских фашистах, вспомнил великого русского сатирика Шедрина. Достаточно, к примеру, перечитать теперь знаменитые «Письма к тетеньке», в которых великан русской сатиры раздвигался с российским мракобесием восьмидесятых годов, чтобы найти в них совершенно точные характеристики современных нам фашистских «культуртрегеров», в частности, характеристики фашистских бюрократов.

В письме одиннадцатом «к тетеньке» рассказано, как Поэдрен осуществил свое намерение и стал издавать газету. В передовой статье этой газеты. — повествует Шедрин, — принадлежавшей перу публициста Искарриота, развигваляется мысль, что ничто так не предостерегает, как ложь. Нам все дозволяется, говорит Искарриот, только не дозволяется говорить ложь. И далее: «никогда лгать не надо, за исключением того случая, когда необходимо уверить, что говоришь правду. Но и тогда лучше выразиться, что говоришь на-двое». Нельзя не вспомнить об этой изыскательной, истинно шедринской, характеристике реакционной публицистики, прочитав речь германского министра пропаганды об уничтожении или запрещении в Германии художественной критики.

Сие «историческое» событие произошло в Германии 27 ноября. С обоснованием неизбежности и закономерности очередного культурно-погромного декрета выступили, кроме Геббельса, еще Лей и целый ряд всяких «гехеймратов». В чем дело, никто толком не понял, ибо запрещение в «Третьей империи» художественной критики, т.е. критических отзывов о произведениях литературы, живописи и скульптуры, театральных постановках и кинофильмах, якобы не исключает «описания» и

«оценки» (Wertung) тех же художественных произведений. Какая разница между критическим отзывом и критической оценкой, никому не ведомо. Выходом только всем, что Геббельс лишь санкционирует или, вернее, регистрирует одно из «достижений» фашистского режима: художественная критика в фашистской Германии давно признала долго жить по той простой причине, что любило и «Третьей империи» истинно художественное творчество.

Почти непосредственно после декрета об отмене или запрещении критики последовал декрет, лишивший нрав германского гражданства величайшего из живущих германских писателей — Томаса Манна. С лишением гражданства Томаса Манна, чистокровного арийца и в отличие от многих фашистских вожаков стопроцентного германца, случился большой конфуз: оказалось, что Томас Манн давно по собственной инициативе стал гражданином демократической Чехословакии, продемонстрировав этим всему миру, что паспорт гражданина «Третьей империи» ничего общего с полннцной германской культурой не имеет и что германская литература, а с ней и германское искусство во всех его видах пахотятся за пределами «Третьей империи». Геринг заявил недавно, что Адольф Гитлер, ставший одарен музами, что он сам по себе представляет германское искусство. Томас Манн, очевидно, считает, что вместе с автором книги «Моя борьба», написанной на каком-то воляпюке, по-никак не на языке Гете и Гейне, он в одном лагере быть не может.

Действительно, кто из известных германских писателей остался в царстве Адольфа Гитлера? Если не считать сатирика Гауптмана, про которого еще до прихода Гитлера к власти острили, что он находится всегда у того стола, на котором имеется достаточное количество красного вина, в «Третьей империи»

остались лишь такие весьма посредственные таланты, как Кайзерлинг, Шольц или Штер. Все остальные писатели с талантом и именем — за границей. В результате в Германии появляется невероятное количество переводной литературы, совершенно отчужденной на задний план отечественных писателей, критиковать которых теперь запрещает господин министр пропаганды. В берлинской газете «Дейче альгемейне нейтунг» (от 6 декабря) помещена весьма любопытная репортерская заметка «Книга в западной части Берлина». Репортер обошел самые популярные книжные магазины Берлина и удостоверился в том, что современный читатель покупает больше всего переводную беллетристику, а из оригинальных немецких книг главным образом книги по истории. Вывод, однако, немецкая книга пользуется успехом, это сомнение некоего Рудольфа Гансина «Химическая война». Успех ее при нынешних настроениях в «Третьей империи» понятен.

Мы внимательно просмотрели выпущенные к концу года каталоги крупнейших германских издательств. Здесь та же картина: за последний год, если не считать новых изданий классиков, непомерно выросло количество переводных изданий. Издания истинно германских беллетристов поражают своими мизерными тиражами (три-четыре тысячи). Где те тиражи в десятки и сотни тысяч, до которых доходили книги авторов, ныне находящихся за границей «Третьей империи»? Разве только Геббельс не краснеет от того, что в тяжелых условиях эмиграции книги этих германских авторов имеют тиражи, в несколько раз превышающие тиражи отечественных писак, находящихся под высочайшим покровительством министерства пропаганды. Правда, и здесь имеется исключение: книга некоего Готтфрида Ротхагера «Нограничная деревня» достигла сорокатысячного тиража. Речь идет о книге, которая самым гнусным образом клеветает на Чехословакию. Ее «успех» объясняется еще проще, чем успех книги о химической войне.

К чести германского народа надо удостоверить, что его, очевидно, не так легко заставить читать такие произведения, как, например, роман некоего Эбергарда Вольфганга Мэллера, полу-

чишнего национальную премию по художественной литературе за роман «Замок в Венгрии». В базельской «Национальнейтунг» была приведена цитата из этого романа, который, по отзыву министерства пропаганды, «превзошел все когда-либо предвизывавшиеся к художественному произведению требования». В этом романе изображается в одной из глав борьба между героем романа и главарем «еврейской разбойничьей банды». Герой повествует:

«Я наносил в бешенстве удары и стал дунить его изо всех сил, пока под моими руками его лицо не стало белеть, пока глаза его не выступили из орбит и пока он не испустил наконец духа. Тогда я вскочил и выбежал, пятаясь. Меня стало пронизывать неопышаемое чувство счастья. Я думал о том, что именно так должен себя чувствовать человек, который выполнил задачу всей своей жизни и который затем имеет возможность жить в деревне на свою достойным образом заработанную пенс».

После такой цитаты приходится самим читать Гете, Шиллера или Гейне, чтобы убедиться, что германскую литературу фашистам не так легко сжечь, как здание рейхстага.

Еще хуже, чем в области художественной литературы, обстоит дело в области театра. Если не считать редких постановок классических произведений, репертуар столичных, а еще больше, провинциальных театров сводится к пошлым фарсам и опереткам. Это утверждаем не мы, а союз германских драматических авторов. Союз директоров германских театров в свою очередь никак не может догадаться, почему наибольшим успехом у публики пользуются такие старые оперы, как «Тоска», «Риголетто», и любая опера, где «достается тиранам».

О фашистской Германии много пишут во всей мировой печати. Много пишут и еще больше говорят о «Третьей империи», как об очаге военной опасности в Европе. Но сравнительно мало пишут о ее культурном одичании. В двадцатом веке в центре Европы живет шестидесятимиллионный народ, который перестал читать газеты и журналы (об этом свидетельствует сама

фашистская печать), который совершенно не допускается к настоящей художественной литературе, который начинает забывать, что Германия была одно время страной высших форм театрального искусства. В центре Европы живет народ, который начинает отвыкать от своего великого литературного языка, на котором писали такие не удостоившиеся признания Иосифа Геббельса писатели, как Гете, Шиллер, Гейне, Барне, Маркс, Мering и другие крупнейшие германские стилисты. Германский народ заставляют впитывать в себя тот страшнейший фашистско-немецкий жаргон, на котором написаны книги Гитлера, Розенберга и Геббельса. Речь идет в данном случае не о политическом содержании этих произведений, а о том, что они в смысле стиля и элементарной грамматики являются надругательством над великим немецким языком. Скучность и убожество фашистской мысли сопровождаются скудостью и чудовищным убожеством языка. Это не может не иметь самых страшных последствий в стране, в которой некогда хвастали тем, что под Седаном побеждал германский народный учитель.

Германский народ называли «народом поэтов и мыслителей». Если, как предполагали творцы этой поговорки, речь шла о германской буржуазии, то эта поговорка никогда не была правильной характеристикой культурного уровня Германии. Германская буржуазия никогда не была грамотнее или культурнее любой другой европейской буржуазии. Именно в Германии родилась другая, более характерная для нее поговорка: «Классики — это писатели, которых не читают». Германский буржуа покупал ко дню рождения, на рождество или на новый год полное собрание сочинений Гете или Шиллера и ставил их бережно на полку. Тревожила эти книжки только жена бюргера, сметающая с них накопившуюся пыль. Но уже в предвоенные годы, в особенности же после войны в германском рабочем классе и в широких кругах трудовой интеллигенции началась огромная тяга к художественной литературе, как немецкой, так и переводной, к своим и иностранным классикам. Ряд рабочих организаций (в том числе и издательства, принявшие к компартии) принял меры

к утолению этого книжного голода. Под давлением этих организаций органы местного самоуправления вынуждены были организовать библиотеки, где рабочий, служащий и интеллигент могли получить для прочтения хорошие и полезные книжки. Рабочие и служащие благодаря содействию рабочих организаций получили возможность регулярно посещать театры, знакомиться в перелаче лучших немецких актеров с великими творениями Гете и Шиллера и современных драматургов. Это проникновение культуры в ряды германского рабочего класса, в гущу германского трудового народа не могло, конечно, в буржуазной Германии идти такими темпами, какими оно идет у нас, в нашей великой Советской стране. Все же до прихода к власти гитлеровцев кое-что от великой германской культуры широкие массы получали. Теперь все это кончилось: разгромлены и уничтожены рабочие библиотеки, закрыты народные читальни, прекращен выпуск каких-либо дешевых народных изданий.

Отсутствие пищи телесной «унифицируется» с абсолютным отсутствием мало-мальски сдобной духовной пищи. Совершенно планомерно и сознательно граждане «Третьей империи» превращаются в тех тевтонских варваров, о которых писал в свое время римский историк Тацит. Если у кого-либо были какие-либо сомнения о планомерности этого похода за культурное олигачение германского народа, то у него должны они исчезнуть по прочтении передовой статьи в органе Германа Геринга «Эссенер национальнейтунг» (от 10 декабря). Статья называется «Призыв искусств под знамена» и в ней говорится, что в «Третьей империи» художественная литература, музыка, вообще всякое искусство нужны только «для борьбы» (т.е. для войны). Художественное искусство имеет-де ценность только тогда, когда оно воодушевляет народные массы, как военный марш.

При такой установке совершенно естественно, что вся, с позволения сказать, научная и художественная литература «Третьей империи» почти целиком посвящена описанию бывших и будущих воиных «достижений» Германии и оплевыванию других стран и народов. В некогда «демократическом» «Берлинер тагеблат» (от 16 декабря) в связи с предстоящими рождественскими

праздниками пелась полоса посвящена «новым книгам». Эти новые книги трактуют о Гинденбурге и Людендорфе (тема, стало быть, не первой свежести) и о старой проблеме: было ли поражение на Марне во время мировой войны результатом неудачного исправления известного плана Шлиффена. При этом автор библиографического обзора меланхолически заявляет, что в Германии «чрезмерно забываются воспоминания о мировой войне».

С другой стороны, другой такого же типа обзор в «Фелькишер беобахтер» (тоже от 16 декабря) посвящен издаваемой гитлеровским издательством «Эхер ферлаг» в Мюнхене серии «Германская серия культурных книг». Эти «культурные книги» трактуют, как повествует автор обзора, не только о современной Германии и ее истории, но обо «всем необъятном мире». Весь мир, как подчеркивает фашистский рецензент, изображается в данной серии так, «как его видит германский глаз и как он должен его видеть». Сотрудник центрального фашистского органа в пояснение своей мысли заявляет, что до прихода Гитлера к власти в германской литературе все заграничное изображалось в слишком хвалебных тонах. Понятно, что надо понимать под изображением негерманских стран и народов, «как их должен видеть германский глаз». Фашисты пародируют германский книжный рынок погромной литературой самого низкого пошиба, которая должна давать картину стран, в которых «Гитлер еще не навел порядка» или «которые не удостоились великого счастья иметь фюрером Гитлера».

Так один из самых передовых народов Европы, великий германский народ, окружается фашистами от остальных народов китайской стеной неведения и ненависти. За колючей проволокой фашистской человеконенавистнической и расово-погромной пропаганды ввергается в культурное одичание великая страна. Трудно в наши дни существование «Третьей империи» не вспомнить слова великого германского поэта Гейне, сказанные им в эпоху германской реакции прошлого столетия, когда также был произведен погром культуры: «Когда я думаю о Германии, сон бежит от очей моих!» («Denk'ich an Deutschland in der Nacht, so bin ich um den Schlaf gebracht»).